

Автор представлен членом Художественного совета **Ларисой Морозовой-Цырлиной**

Ты знаешь все про нас, Себя от нас скрываешь,
Во цвете огненном вселенная немая,
Огромный многоярусный каркас,
Всем хороша, но все же не про нас.

Нам снится берег в лягушачьей тине,
Бежит паук по влажной паутине,
И каждый лист дыханием согрет
Детсадовских невозвратимых лет.

Оттуда можно черпать полной мерой
Здоровый дух окон заиндевевших
И запах хвойный в звездной мишуре,
И скрип салазок с горки во дворе.

Домашний милый мир в портретных арабесках,
Он виснет на стене с беспечностью прелестной,
В нем жизнью полнится случайный завиток,
И рыбкой мелкою – вселенной дивный прок.

2003

Над городом*(на выставке Шагала)*

Полет на сумасшедшей высоте,
Над сонною губернской столицей;
Забор чудной, наверно, удивится,
Когда увидит в небе башмачки,
Чулки и юбку, белые манжеты
И рук моих надежные кареты,
В которых милую по воздуху несу.
Не новость это, кто ж его не знает,
Что юность дерзкая запреты презирает,
На старичье с усмешкою взирает
И ставит в угол суд и суету.
Ну что ж, сказать, что я тебя люблю?
Проверещать, как бедная синица?
Вверх обращенные тоскующие лица
В стакан холста, как в зеркало, налью.
Пускай живут, им этот холст — награда,
Пробита воздуха последняя преграда,
И лихолетья ангел золотой
Нас осенит венчальною фатой.

Вспоминая о революции

И шапки вверх отчаянно летели,
И красный флаг над серым трепетал,
Художник чуткий уши затыкал,
И холодом мело в дворянские постели.

И чудилось, как к островам земли
По волнам вздыбленным, бессонным и угрюмым,
Из бездны шли нагруженные трюмы,
Вздыхались идола новорожденной тьмы.

Теперь брести во тьме без остановки
Сто тысяч лет и лампы не зажечь,
Пока не даст спасительную течь
Сосуд, запаянный с невиданной сноровкой.

Как прорезает утра тишину
Нежданный звук, и в сердце ночи метит,
Ему листва немедленно ответит,
И просквозит пустынную страну.

Петербург. Вдали

Все тот же Петербург, все то же наважденье,
Из ничего воздвигнутый в пустыне,
Ветрами продуваемый, горбатый,
Спиною повернувшийся к России.
С холмов московских он отлично виден.
К тому же камень. И кому он нужен,
Такой беспочвенный, к сомненьям непричастный
Куда глядеть? И в медленной воде
Кругами ходят миражи, как рыбы,
Других эпох. Им негде поселиться.
И потому им хочется назад,
В свои века, как в дом привычный, въехать.
А здесь им неуютно. Боже, правый!
Доколе нам во все вникать и слушать
Страстей чужих неистребимый шелест?
Звук Петропавловских пустопорожних пушек
Слышнее здесь, чем там, где плещется волна,
Когда-то Пушкиным воспетая на диво.
Нужна свобода нам, чтоб отойти в сторонку
И в даль взглянуть, где нет щемящих линий,
А вьется неба завиток упорный,
И воздух переполнен сам собою,
И никуда не хочется бежать.

2000

Безумные, мы жить хотели сладко

Безумные, мы жить хотели сладко;
Блестит в обертке хрусткой шоколадка,
Она нам в утешение дана;
Огромна неба дивная страна,
Там обитает Бог и ангелы, оттуда
Приходит к нам небесная простуда.
В огне бессонном плавится руда,
В аду рабочая объявлена страда,
А мы хотим прохлады и покоя;
В тени деревьев опять собрались трое,
И рядом Авраам всем существом приник,
И Сарры плещется таинственный родник.
Здесь все так молодо, отчетливо, толково —
К нам обращенное божественное слово;
Накрыли стол однажды, и теперь
Мы отворить мечтаем эту дверь
И в свет войти, где Авраам смеется
У безрассудно щедрого колодца
И, может быть, внезапно обернется
И нас увидит и махнет рукой...

Местечко

Тебя здесь нет, еврейское местечко,
Ты как в пруду погибшее колечко,
На илистом ты обитаешь дне
В ненарушимой влажной тишине.
А то ли было? — жизнь цвела и пела,
Щеглом безмозглым в небеса свистела,
Была любовью вечной занята
И вся как есть была Тобой взята.
И что еще? — наверно, Ты не слышишь —
Скрипач синюшный на облезлой крыше
Уже от тьмы безудержной продрог.
Его никто не пустит на порог,
Пока он всех пассажиров не сыграет
И с петухом в обнимку не растает
За околотком огненной души.
Уже края холста подожжены,
Все занялось, на вираже несется,
И лишь смычок безумный не уймется,
И ясно слышится, хотя вокруг — вода,
И в вышине — блестящая звезда.